

УДК 59.5
ББК 28.6
Д37

Перевод с французского Аркадия Кабалкина

Деспре, В.

Д37 Что сказали бы животные, если бы им задали правильные вопросы = *Que diraient les animaux, si... on leur posait les bonnes questions?* / Венсиан Деспре ; перевод с французского Аркадия Кабалкина. — Минск : Дискурс, 2020. — 320 с.

ISBN 978-985-90515-6-2.

Есть ли у животных чувство юмора? Способны ли они принимать сознательные решения? Или горевать из-за гибели сородича? Людям свойственно приписывать представителям животного мира, особенно собственным домашним питомцам, человеческие черты и чувства. Но насколько это оправданно? Рассказывая в книге удивительные истории, которые случились с исследователями, дрессировщиками или сотрудниками зоопарков, философ и психолог Венсиан Деспре объясняет, чего хотят животные и могут ли они «думать».

УДК 59.5
ББК 28.6

ISBN 978-985-90515-6-2

© Vinciane Despret, 2012, 2014

© Editions LA DÉCOUVERTE, Paris, France, 2012, 2014

© Daniel Renou, фото автора на обложке

© Кабалкин А. Ю., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ЧУП «Издательство Дискурс», 2020

Содержание

	Благодарности	8
	Правила пользования.	9
А	Арт-подготовка.	
	Животное — художник?	11
Б	Бести. Умеют ли обезьяны обезьянничать?	19
В	Волчья доля. Стоит ли справлять нужду в присутствии животных? ...	31
Г	Грабеж. Могут ли животные взбунтоваться?	39
Д	Демонстрация. Видят ли животные себя такими, какими видим их мы?	49
Е	Естествоиспытатели. Знают ли животные, что такое престиж?	59
Ж	Жвачный гений. С кем охотнее будут разговаривать инопланетяне?	71
З	Заразная иерархия.	
	Доминирование самцов — миф? ..	79

И	Измены. Могут ли животные служить образцами морали? 89
К	Компромисс. Можно ли договориться с животными?101
Л	Лицензия на убийство. Есть ли животные, которых можно убивать?115
М	Мотивация. Что хотят узнать крысы из опытов, которые над ними проводят?125
Н	Неправда. Хитрость — доказательство жизненного опыта?135
О	Они же дети! Можно ли довести крысу до детоубийства?147
П	Прекрасное. Что птицы знают об искусстве?161
Р	Рубикон. Как заставить слонов полюбить зеркала? 171
С	Сексуальность. Пингвины и каминг-аут181
Т	Тупость. Согласны ли козы со статистикой?191

У	Утрата. Может ли животное сломаться?201
Ф	Функционал. Почему коров называют бездельницами?211
Х	Хроники Икскюля. Что звери знают об умвельте?221
Ц	Цена слова. Шимпанзе умирают, как мы?231
Ч	Числом и умением. Кто придумал язык и математику?243
Ш	Шефская помощь. Можно ли жить со свиным сердцем?253
Ю	«Ютьюб». Животные — новые звезды?265
Я	Ян/инь. Зоофилия или по согласию?275
	Использованные источники289

Благодарности

Выражаю благодарность: Эрику Баратаю, Эрику Бюрнану, Анни Корне, Николь Делувруа, Мишель Галан, Сержу Гутвирту, Донне Харауэй, Жану-Мари Лемеру, Жюлю-Винсену Лемеру, Жинет Маршан, Маркосу Маттеос-Диасу, Филиппу Пиняру, Жослин Порше, Оливье Серве, Люсьене Стривай, Франсуа Торо и в особенности Лоранс Букио, Изабель Стенжер и Эвелин Ван Поппель.



Правила ПОЛЬЗОВАНИЯ

Эта книга не словарь. Но она может послужить букварем. Хотите — изучайте темы в алфавитном порядке, если вам претит хаос.

А хотите — начните с интересного, «аппетитного» для вас вопроса. Надеюсь, вас ждет сюрприз. Подготовьтесь получше: искомого вам все равно не найти!

Можете раскрыть книгу на середине, просто доверившись своему инстинкту, желанию, случаю и так далее. А можете при чтении руководствоваться многочисленными отсылками к другим главам (ориентируйтесь на указующий перст).

А

Арт-подготовка

Животное — художник?

«Глуп, как живописец». Эта французская поговорка, родившаяся после «Сцен из жизни богемы» Анри Мюрже в 1880-х годах, всегда используется в шутку в горячих спорах. Чем художник глупее обычного человека?

Марсель Дюшан. Должен ли художник учиться в университете?

Можно ли писать кистью, привязанной к кончику хвоста? Ответом на этот вопрос служит знаменитая картина «Закат на Адриатике», выставленная в 1910 году в «Салоне независимых». Кроме нее, Иоахим-Рафаэль Боронали ничего не создал. Настоящее имя Боронали — Лоло. Он был ишаком.

В последние годы благодаря распространению работ животных в интернете (☞ «Ютьюб») вновь закипел давний спор: можно ли предоставить им статус художников? Мысль, что животные способны творить или участвовать в создании произведений искусства, не нова, но, если оставить в стороне забавное достижение Боронали,

задаваться этим вопросом всерьез как-то не принято. Тем не менее с давних пор — к лучшему это или (чаще) к худшему — животные участвуют во всевозможных представлениях, отчего некоторые дрессировщики признают их своего рода артистами (☞ «Демонстрация»). Если ограничиться только изобразительным искусством, то и там кандидатов пруд пруди, хотя по их поводу яростно скреещивают копыя.

Полемика открылась в 1960-х годах. А началось все с Конго (шимпанзе знаменитого зоолога Десмонда Морриса), прославившегося творениями в жанре абстрактного импрессионизма. Конго, скончавшийся в 1964 году, стал родоначальником целой школы: ныне в зоопарке Нитероя — города напротив Рио-де-Жанейро, по другую сторону бухты, — можно ежедневно любоваться представлениями шимпанзе Джимми, скучавшего до тех пор, пока служитель не догадался принести ему мольберт.

Еще бóльшая знаменитость, куда активнее вовлеченная в рынок искусства, — жеребец Чойя, пишущий абстрактные картины зажатой в зубах кистью.

Или возьмем американца Чеддера Тилламука — песика породы джек-рассел-терьер, выступающего с номерами, в которых используются его навыки норной (и нервной) собаки: хозяин предлагает ему трепать зубами и когтями белый лист с копиркой, обратная сторона которой покрыта краской. Пока песик трудится, играет джазовый оркестр. Минут через десять хозяин демонстрирует результат — изображение из рваных концентрических штрихов. Соответствующими видео можно полюбоваться в интернете. Оставив в стороне

результат, нельзя не задаться вопросом о самом намерении творить. Но правильно ли об этом спрашивать?..

Более убедительным в этом смысле кажется, на первый взгляд, проводимый на севере Таиланда эксперимент со слонами. После того как тайский закон поставил под запрет транспортировку стволов деревьев на слонах, эти животные остались без работы. Неспособные вернуться к дикой жизни, они спасаются в заповедниках. К наиболее популярным в Сети относятся ролики, снятые в слоновьем парке Метанг в полусотне километров от города Чиангмай. На них слон рисует нечто, называемое авторами этих кадров автопортретом: весьма стилизованного слона с цветком в хоботе. Надо еще разобраться, на каком основании эта картина названа автопортретом. Представим себе инопланетянина, наблюдающего за человеком, который рисует по памяти портрет другого человека: не назовет ли он автопортретом и это? Чем руководствуются наши комментаторы: неспособностью распознать индивидуальность или старым рефлексом? Я склоняюсь ко второму ответу. То, что рисование слонком слона автоматически объявляется автопортретом, коренится, без сомнения, в странном убеждении во взаимозаменяемости всех слонов. Идентичность животных часто сводится к их видовой принадлежности.

Наблюдая за работой этого слона, испытываешь сильное волнение: точность и напряженное внимание животного к своим действиям трудно не считать признаками погруженности в сознательный творческий процесс. Но если во всем этом разобраться, то выяснится, что перед нами результат многолетнего обучения: сначала слонам приходилось учиться рисовать по эскизам,

предложенным людьми; эти самые эскизы они теперь беспрестанно воспроизводят. Если подумать, было бы странно, если бы все происходило наоборот.

Десмонд Моррис тоже заинтересовался слонами-живописцами. Оказавшись на юге Таиланда, он решил посмотреть на них вблизи. Из-за нехватки времени Моррису не удалось побывать на севере, в заповеднике под Чиангмаем, славящемся слонами-художниками, но нечто похожее предлагается в парке развлечений «Нонг-Нуч-Тропикал-Гарден». Вот что он написал, посетив представление: «Большинству зрителей происходящее кажется почти что чудом. Слоны — это без пяти минут люди, они настолько умны, что могут рисовать цветы и деревья. Но зрители не обращают внимания на жесты погонщиков, сопровождающие труд слонов». Если присмотреться, продолжает он, то можно заметить, что каждый выполняемый слонем штрих сопровождается прикосновением погонщика к его уху: сверху вниз для вертикальных линий, вбок — для горизонтальных. Моррис делает вывод: «Как ни грустно, рисунок выполняет не слон, а человек. Здесь нет никакого слоновьего намерения, нет творчества, а есть только покорность и послушание».

Ну не брюзга ли этот Моррис? Удивительно, до чего охотно играют эту роль некоторые ученые, какое поразительное геройство проявляют они, взваливая на себя грустную обязанность глашатая дурных новостей, — если только это не жизнеутверждающая гордость людей, не желающих по примеру других хлопать ушами. Но мы слышим не одно лишь брюзжание в этой истории, как и во всех случаях верности ученых правде, открывающей

нам глаза: узнаваемый запах марки «Да это же...» — свидетельство крестового похода, вызванного разочарованием. Однако само это разочарование проистекает из серьезного (и порой не слишком справедливого) недоумения по поводу того, что должно очаровывать, что именно должно вызывать радость. Причина подобных разочарований — наивная человеческая вера в чудеса. Иными словами, так легко разочаровываются только те, кто неправильно понимает сущность чар.

В представлениях, которыми радуют публику, присутствует нечто чарующее. Но Десмонд Моррис этого чужд. Он умеет абстрагироваться от торжествующего в кадре изящества. Изящество, особенно публичное, вообще заразительно — я сама это почувствовала, когда впервые были сверстаны эти страницы.

Очаровывает поразительная внимательность животного, каждая линия, проведенная его хоботом, все наносимые им четкие, тщательные штрихи, то, как оно порой замирает в нерешительности, как будто поддавшись сомнению. Кажется, животное полностью погружено в свое занятие. Еще сильнее завораживает изящество согласованности животного и человека. Это высшее проявление их сотрудничества, их совместных усилий; они счастливы, скажу даже: горды; именно этому и аплодирует восхищенная публика. Тем, кто наблюдает за этим зрелищем, неважно, что они, возможно, присутствуют при демонстрации искусной дрессировки, хотя то, что слону указывают направление очередного штриха, явно свидетельствует именно о ней. Зрителям важна нарочитая незавершенность всего процесса, то самое колебание — не то по требованию, не то по доброй воле — самого

живописца. Ответ здесь не нужен, он только помешает смыслу происходящего. Само это колебание, похожее на то, что знакомо нам по сеансам магии, участвует в рождении у нас внутри ощущения волшебства.

Не стану ввязываться в спор и утверждать, что в представлении в Метанге, в отличие от представления в «Нонг-Нуче», погонщики не трогают слонов за уши, — мне, кстати, сложно было бы это утверждать, если бы я не проверила сделанные там фотографии. Да и какая разница, ведь любой брюзга мог бы повести речь о каком-нибудь другом ухищрении, о том, что в каждом заповеднике придумывают что-то свое; где мне за всем уследить? Удовлетворимся умозаключением, что южные слоны, в отличие от северных, нуждаются в поглаживании ушей, чтобы орудовать кистью. Или что некоторые слоны творят ушами — говорят же о слонах севера и юга Таиланда, да и Африки тоже, что они слышат подошвами ног!

Поэтому я не стану облегченно переводить дух, прочтя у Десмонда Морриса, что, «как это ни грустно, рисунок, выполняемый слонем, выполняется не им». Разумеется, не им, кто бы сомневался!

Ухищрение или мягкое обучение, вследствие которого слон всего лишь воспроизводит преподанную ему науку, возвращает нас к все той же проблеме — «самостоятельному действию». Мне давно странен сам подход к этой проблеме. В ходе исследований я установила, что животных — еще охотнее, чем людей, — принято упрекать в отсутствии автономности. Отчетливее всего проявляется эта подозрительность в отношении действий, издавна считающихся сугубо человеческими, как то проявлений

культуры и даже, что еще удивительнее, скорби: так ведет себя в камерунском заповеднике группа шимпанзе, горящая по своей ненаглядной усопшей соплеменнице. Поскольку это поведение было спровоцировано служителями, показывавшими шимпанзе тело умершей, критиков не в чем упрекнуть: да, это ненастоящий траур; вот если бы шимпанзе горевали спонтанно, сами по себе... (☞ «Цена слова»). Можно подумать, мы горюем по умершим «сами по себе». Кто скажет, что можно стать живописцем, не изучив и не воспроизведя того, что создавалось до нас? Любой художник — передаточное звено в бесконечной эстафете.

Конечно, проблема гораздо сложнее. Но подход к ее решению в манере «или-или» не делает ее ни более сложной, ни более интересной.

В рассматриваемых ситуациях создатель произведения не стремится действовать строго индивидуально, будь он человеком (как утверждают некоторые, «все зависит от намерений человека») или животным (это оно — автор произведения). Мы имеем дело со сложным взаимодействием: всякий раз возникает сложносоставная композиция из сознательных поступков в разнообразной экологической среде, где — как в случае со слонами — необходимо учитывать обстановку в заповеднике, поведение служителей и ошеломленных туристов, размещающих фотографии в Сети и увозящих домой картины, неправительственные организации, продающие картины и расходующие вырученные средства на содержание слонов, которые не имеют других занятий из-за закона, запрещающего использовать их для транспортировки леса...

Поэтому я не решаюсь ответить на вопрос, являются ли животные художниками — что в близком, что в далеком от нашего понимания смысле (☞ «Прекрасное»). Зато я готова говорить об успехе. Прибегнем к терминологии, которая будет часто встречаться на страницах этой книги: животные и люди творят вместе. Это гармоничный и радостный процесс. Я настаиваю на этих эпитетах, поскольку чувствую необходимость передать гармонию, которую несет в себе каждое такое событие. Не она ли, в конце концов, важнее всего? И не главное ли — нащупать средства, позволяющие адекватно описать эти события и рассказать о них?

Б

Бести

Умеют ли обезьяны обезьянничать?

Животные очень долго казались нам глупыми, даже очень глупыми бестиями. Конечно, всегда хватало великодушных мыслителей, любителей-энтузиастов, заклеянных как неисправимые адепты антропоморфизма. Нынешняя литература, склонная реабилитировать всё и вся, извлекает их из относительного забвения, ибо пересматривает приговоры, вынесенные всем, кто объявлял животных бездушными машинами. И это только к лучшему. Но, как ни полезно ныне разоблачение этих специалистов по оглуплению бедных бестий, не менее познавательно разобратся с мелкими махинациями, с не столь вопиющими формами поношения, рядящимися порой в благородную тогу скепсиса, подчинения строгим правилам науки, экономности и объективности. Как следует из хорошо известного канона Ллойда Моргана¹, при конкуренции

¹ Канон Ллойда Моргана (один из важнейших принципов зоопсихологии) гласит: «Действие нельзя интерпретировать как результат психической функции, если возможно объяснение через наличие у животного способности, занимающей более низкую ступень на психологической шкале». — *Здесь и далее прим. пер.*